

Егор Конев / Egor Konev
doktorant, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
<https://orcid.org/0009-0003-7440-9108>
egorkonev1970@gmail.com

Образ Польши в древнерусских литературных памятниках XII–XVI веков

Введение

С эпохи раннего Средневековья упоминания о Польше и поляках неоднократно присутствовали в летописях Древней Руси (XII–XVI века), а затем и в литературных памятниках Русского царства (1547–1721 годы). Трансформация оценок Польши и ее правителей находилась в сильной зависимости от политической ситуации, которая была обусловлена географическим соседством двух крупнейших славянских народов, историей их взаимодействия, а также разными моделями государственного развития – избирательной монархии с одной стороны и автократии с другой. По справедливому замечанию белорусского историка Тадеуша Кручковского,

Польша являлась для России [...] не только соседкой, но и выступала как важнейший политический, военный, а также и цивилизационный соперник и как центр передачи западного влияния¹.

В контексте данного исследования представляется важным рассмотрение истоков формирования представлений о Польше от первого упоминания о поляках в *Повести временных лет* до создания негативного стереотипа

¹ Т.Т. Кручковский, *История Польши и польский вопрос в России в оценке А.С. Будиловича*, „Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego” 2022, nr XXXVI, s. 11.

«басурман» в посланиях русского царя Ивана IV. Данный стереотип, обусловленный чередой неудач русского царя на западном направлении своей внешней политики, оказывал деструктивное влияние на представление о Польше и поляках в русском общественном мнении в последующие столетия, а его отголоски можно обнаружить даже сегодня в российской блогосфере.

Вместе с тем, в правление Ивана IV, который культивировал негативный образ Польши, были зафиксированы первые признаки влияния польской материальной и духовной культуры на образованную часть русского общества.

Различные аспекты восприятия в русском общественном мировоззрении Польши как соседа, противника и культурного партнера рассматривались в научных трудах таких ученых, как Марек Барански, Владимир Васильев, Василий Ключевский, Тадеуш Кручковский, Александр Липатов, Владимир Петрухин и др. Тем не менее, до сих пор не были выявлены основные характеристики образа Польши в древнерусских памятниках литературы, а также истоки и причины радикальной трансформации образа Польши в конце XVI века, что придает актуальность данному исследованию.

Исходя из вышеизложенного, целью данного исследования является выявление наиболее существенных характеристик оценки Польши и поляков в древнерусских литературных памятниках XII–XVI веков. В качестве методов научного исследования используются теоретический анализ и обобщение.

Ляхи в древнерусском летописании XII–XIII веков

Первое упоминание о поляках присутствовало в *Повести временных лет*². В этом памятнике древнерусской литературы появление поляков датировано периодом после Вавилонского столпотворения, когда из племени Иафета (третьего сына Ноя) выделились славяне, которые первоначально жили по берегам реки Дунай на землях Венгрии и Болгарии, но затем под натиском валахов часть славян ушла на север, где образовались новые народности:

Когда волохи напали на славян дунайских, и поселились среди них, и притесняли их, то славяне эти пришли и сели на Висле и прозвались ляхами, а от тех ляхов пошли поляки, другие ляхи – лутичи, иные – мазовшане, иные – поморяне³.

² Наиболее ранняя из сохранившихся древнерусских летописей. Предполагается, что была написана в Киеве в 1110-х годах монахом Нестором Печерским.

³ *Повесть временных лет*, Наука, Санкт-Петербург 1996, с. 56. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка Д.С. Лихачева.

По мнению историка В. Васильева, поскольку *ляхи* были указаны в *Повести временных лет* в качестве основного народа, то данный термин в территориально-политическом значении станет основным в древнерусском летописании, в то время как названия остальных польских народностей переместились на языковую периферию⁴.

Первым польским правителем, описанным в *Повести временных лет*, был князь Болеслав I Храбрый, который в 1018 году во главе своей дружины явился на помощь зятю – киевскому князю Святополку Владимировичу. Летописец отмечал находчивость польского князя, который в канун битвы с другим претендентом на киевский трон – князем Ярославом Владимировичем – использовал нанесенное ему оскорбление для мотивации своих воинов на победу:

И был у Ярослава кормилец и воевода, именем Буда, и стал он укорять Болеслава, говоря: «Проткнем тебе колом брюхо твое толстое». Ибо был Болеслав велик и тяжек, так что и на коне не мог сидеть, но зато был умен. И сказал Болеслав дружине своей: «Если вас не унижает оскорбление это, то погибну один». Сев на коня, въехал он в реку, а за ним воины его. Ярослав же не успел исполчиться, и победил Болеслав Ярослава⁵.

Таким образом, первое упоминание о поляках в русском летописании носило нейтральный информативный характер, а в первом описании польского политического деятеля отмечались его незаурядная внешность и находчивость.

Сдержанные и стилистически нейтральные оценки Польши и ее предводителей были характерны и более поздним древнерусским летописям. Это объяснялось тем, что, по мнению историка Бориса Рыбакова, древнеславянским народностям было характерно осознание этногенетической общности, при которой отношения с соседями понимались не в категории «свой-чужой», а диктовались «соображениями постоянного соседства славянских родичей и непостоянной политики их предводителей»⁶.

Так, для Лаврентьевской летописи⁷ характерны сдержанные оценки при описании языческого восстания в Польше в 1030 году («В то же время умер Болеслав Великий, и был мятеж в земле Ляшской: восстав, люди перебили епископов и попов и бояр своих...»⁸), похода русских князей на

⁴ В.Л. Васильев, *Ляхи и поляки в языковой истории Новгородской земли*, „Rozprawy Komisji Językowej” 2018, t. LXVI, s. 514.

⁵ *Повесть временных лет...*, с. 206.

⁶ Б.А. Рыбаков, *Язычество древней Руси*, Наука, Москва 1987, с. 78.

⁷ Известна в единственном пергаменном списке 1377 года. Название получила по имени основного писца – монаха Лаврентия.

⁸ *Лаврентьевская летопись*, Ростов, Санкт-Петербург 2017, с. 51. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка Г.М. Прохорова.

запад в 1031 году («Ярослав и Мстислав, собрав воинов многих, пошли на ляхов...»⁹) и др. В Первой Новгородской летописи¹⁰ поляки также оцениваются нейтрально при описании событий 981 года («пошел Владимир на ляхов, и пожег города их»)¹¹, 1073 года («Изяслав же ушел в землю Ляшскую со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это ляхи отняли у него и выгнали его»)¹² и др. Безоценочная констатация фактов характерна для Галицко-Волынской летописи¹³ в описании событий 1204 года («... и пришли ляхи на Владимир, и отворили им ворота владимирцы... Ляхи попленили весь город...»¹⁴), 1229 года («Убит был Лестько, великий князь Ляшский, был он убит на сейме...»¹⁵), 1284 года («Поклялись друг другу русские и ляхи: если после этого между ними будет уособица, то не брать ляхам русской челяди, а русским – ляшской»¹⁶) и др.

Свидетельством тому, что Польша и ее народности находились на периферии государственных и торговых интересов Древней Руси, служит тот факт, что этноним *лях/ляхи*, равно как и любые указания на поляков, отсутствует в сохранившихся коллекциях древнерусских грамот (включая берестяные грамоты Новгорода и Пскова, долговые и семейные послания, а также записи о торговых операциях X–XIV веков)¹⁷.

Таким образом, в XII–XIII веках, когда Польша и княжества Древней Руси находились на ранней стадии формирования государственности, оценки деятельности польских правителей в древнерусских летописях носили преимущественно сдержанный, нейтральный характер. Из всех народностей, населявших польские земли в этот период, наиболее часто употребляемым этнонимом в территориально-политическом значении являлся *ляхи*, который был характерен древнерусскому летописанию и практически отсутствовал в других сохранившихся письменных источниках Древней Руси.

⁹ *Лаврентьевская летопись...*, с. 51.

¹⁰ Предположительная дата написания: XIII век.

¹¹ *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1950, с. 17. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка М.Н. Тихомирова.

¹² Там же, с. 261.

¹³ Дата написания – XIII век.

¹⁴ *Галицко-Волынская летопись*, Наука, Санкт-Петербург 1997, с. 215. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка О.П. Лихачевой.

¹⁵ *Галицко-Волынская летопись...*, с. 216.

¹⁶ Там же, с. 229.

¹⁷ *Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1949, с. 61.

Басурмане в полемических посланиях Ивана Грозного

Со второй половины XV века активизировался политический процесс подчинения древнерусских княжеств правителями Москвы (с 1363 года – Великого княжества Московского), который оказывал существенное влияние на формирование национальных характеристик русского народа и собственного ему самосознания. В сфере государственного устройства, по мнению историка Льва Гумилева, московские великие князья заимствовали у Византии и Золотой Орды исторический опыт и методы автократического управления¹⁸. В Польше в этот период складывалась иная с политико-правовой точки зрения государственная модель, которая, по мнению польского историка Ежи Топольского, определялась влиянием «римского права» в законодательстве, духовной культурой католичества и, вместе с тем, религиозной веротерпимостью¹⁹. И поскольку обе державы активно расширяли свои пределы в восточноевропейском регионе, столкновение между ними было неизбежным.

С конца XV века Великое княжество Московское (с 1547 года – Русское царство) вступило в череду войн с Великим княжеством Литовским, которым на правах личной унии с 1385 года (с перерывами) правили польские короли. Итогом стали утрата Великим княжеством Литовским 1/3 территорий и угроза полного завоевания Москвой²⁰. Заключение 1 июля 1569 года Люблинской унии (союза между Королевством Польским и Великим княжеством Литовским) положило начало новому витку Ливонской войны (1558–1583 годы) между федерацией Речь Посполитая и Русским царством²¹.

Изменившаяся геополитическая ситуация обусловила появление отрицательных характеристик Польши и ее правителей в русских литературных памятниках второй половины XVI века. В первую очередь речь идет об эпистолярном наследии первого русского царя Ивана IV Васильевича²².

Если в эпоху Раннего Средневековья раскол христианства в 1054 году не оказывал существенного влияния на представление правящих династий и народов польских и древнерусских земель друг о друге, то в середине 1560-х годов ситуация меняется. Поражения, которые начали терпеть

¹⁸ Л.Н. Гумилев, *Ом Руси к России*, Наука, Москва 1992, с. 126.

¹⁹ J. Topolski, *Historia Polski*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań 2015, s. 225.

²⁰ А.Е. Тарас, *Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв.*, АСТ : Харвест, Москва–Минск 2006, с. 80.

²¹ В.Д. Корольюк, *Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в.*, Издательство Академии наук СССР, Москва 1954, с. 42.

²² В 1533–1547 годах – великий князь московский, в 1547–1584 годах – царь. За репрессивные методы управления получил прозвище Иван Мучитель, которое позже в официальной российской историографии было заменено на Иван Грозный.

русские войска на землях Прибалтики, сподвигли царя Ивана Грозного заявить о невозможности мирного сосуществования православия и католичества. Во многом мировоззрение Ивана Грозного определялось стремлением к укреплению абсолютизма и поэтому влияние католической церкви на государственную политику, как это имело место в Европе, казалось ему кощунственным²³.

Враждебное отношение Ивана Грозного к католичеству дало ему основание заявить в *Первом послании князю Андрею Курбскому* (5 июля 1564 года) об отсутствии христианства на землях Польского королевства и Великого княжества Литовского: «Если же ты возразишь, что мы тоже воюем с христианами, то это совсем не то... Сейчас, как нам известно, в этих странах нет христиан...»²⁴. Также в послании Ивана Грозного подверглась уничижительной критике система выборности королей Польши, которая ограничивала власть монарха («Поэтому ты и нашел себе такого государя, который... хуже последнего раба – от всех получает приказания, а сам никем не повелевает»), а также неэффективное судопроизводство («Кто оградит тебя от насилий или защитит от обидчиков, если даже сиротам и вдовицам не внемлет суд...»²⁵).

Негативный образ Польши и ее аристократии присутствует и в других посланиях Ивана Грозного, в том числе от имени собственных бояр, что должно было придавать его мнению характер общественного. Так, в *Послании Сигизмунду II Августу от имени князя Ивана Дмитриевича Бельского* (2 июля 1567 года) утверждалось, что польская аристократия всегда была склонна к изменам: «Ты же, брат наш, советуешь нам поступить по обычаю твоих панов: они ведь привыкли служить тебе изменнически»²⁶. В *Послании Григорию Ходкевичу от имени князя Ивана Петровича Федорова* (6 августа 1567 года) отличительным качеством польской знати указана аморальность: «...вы, пан Григорий, добываете у своего государя высокие чины, заботясь о девках для государевой спальни и развлекаясь с ним скоморошеством»²⁷. В *Послании Григорию Ходкевичу от имени князя Михаила Ивановича Воротынского* (20 июля 1567 года) сделанный в XI веке выбор польской правящей элиты в пользу католичества трактовался как вероотступничество:

²³ См. А. Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI века*, Издательство МГУ, Москва 1983, с. 136.

²⁴ *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*, Наука, Ленинград 1979, с. 44. Здесь и далее текст цитируется в переводе с древнерусского языка Я.С. Лурье.

²⁵ Там же, с. 53.

²⁶ *Послания Ивана Грозного*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1951, с. 423. Здесь и далее текст цитируется в переводе с древнерусского языка Я.С. Лурье.

²⁷ Там же, с. 440.

Не следует вам вспоминать и о том, что Господь объединил нас всех своей святой кровью, ибо вы уже много лет тому назад латинской ересью разорвали это объединение и ныне... присоединились к антихристу... и ныне стали худшими врагами Бога, чем басурмане, и лживо носите на себе христианское имя...²⁸

Отождествление поляков с *басурманами* имело глубоко символическое значение, поскольку данным термином в значении «иноверцев, отступивших от бога»²⁹ наделялись татаро-монголы, которые поработили Древнюю Русь в XIII веке. Навязывая термин *басурмане* польским государственным деятелям, Иван Грозный приписал им качества лицемеров, которые внешне привержены христианству, но в действительности служат Антихристу, поскольку только дьявол, по его мнению, мог заставить поляков отказаться от власти православного царя, «помазанника Божьего»³⁰.

Критика западных *басурман* ослабла в середине 1570-х годов, когда после смерти первого короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа русский царь Иван Грозный предпринимал дипломатические усилия для своего избрания на вакантный трон³¹. Однако в 1576 году королем Речи Посполитой был избран князь Трансильвании Стефан Баторий, который нанес ряд поражений русским войскам и перенес военные действия на территорию Русского царства³².

Эти новые военные неудачи сподвигли русского царя в *Послании польскому королю Стефану Баторию* (10 сентября 1581 года) гневно обвинить его в *басурманстве*, поскольку княжество Трансильвания, где родился и правил Стефан Баторий, являлось вассалом Османской империи, то есть подчинялось мусульманскому султану. В том же послании Иван Грозный утверждал, что идеи Реформации, которые в этот период активно распространялись в Речи Посполитой, имеют своей целью уничтожение христианства³³.

В итоге нельзя не согласиться с историком В. Мочаловым в том, что сущность полемических утверждений Ивана Грозного сводилась к тому, что «польское государство в целом и лично польский король выступали как нарушители божественного миропорядка, а следовательно, оказывались

²⁸ *Послания Ивана Грозного...*, с. 436.

²⁹ А.В. Терещенко, *Быт русского народа*, Институт русской цивилизации, Москва 2014, с. 92.

³⁰ А.В. Липатов, *Польша в русском восприятии*, «Вестник Европы» 2015, № 42–43, с. 317.

³¹ См. К. Ерусалимский, *На службе короля и Речи Посполитой*, Нестор-История, Москва–Санкт-Петербург 2018, с. 596.

³² См. Р. Гейденштейн, *Записки о Московской войне (1578–1582)*, Издание Археографической комиссии, Санкт-Петербург 1889, с. 156.

³³ *Послания Ивана Грозного...*, с. 399.

вне пределов христианской системы ценностей»³⁴. И с конца 1560-х годов данные утверждения активно укоренились в русском общественном сознании, так как царские послания публично зачитывались в церквях и обладали непререкаемым авторитетом³⁵.

Лютый змей и самолучший татарин в древнерусском народном творчестве в конце XVI века

О том, как быстро укоренялся в русском письменном творчестве отрицательный стереотип поляков свидетельствует один из сохранившихся литературных памятников этой эпохи – *Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков*³⁶. В этом произведении монарх Речи Посполитой характеризовался как «безбожный король», «неистовый зверь и неуголимый аспид», «всегда был рад кровопролитию»³⁷ и др., а его воины – «волки, всегда готовые к кровопролитию», «пожирающие трупы псы»³⁸ и др. Наличие данных эпитетов было призвано создать в сознании читателей и слушателей идейную доминанту, в рамках которой осада Пскова представляло не столько военным событием, сколько метафорой битвы за идеалы христианства с иноверцами.

Данную метафору углубляло сравнение короля Стефана Батория с мифическим Змеем:

как лютый великий змей ... полетел к Пскову... Аспидов же своих... из утробы извергнутыми остатками хвалился насытить. И так все, как змеи на крыльях, летели к Пскову и высокомерием своим, как крыльями, повалить его хотели³⁹.

В данном контексте защита Пскова уподоблялась битве Святого Георгия со Змеем, которая являлась важным мифом в системе русского мировоззрения. Через олицетворение со Змеем королю Стефану Баторию приписывалась функция предтечи Антихриста, победа которого предполагала гибель не только Руси, но и всего мира.

³⁴ В. Мочалов, *Польская тема в русских памятниках XVI в.*, [в:] *Поляки и русские в глазах друг друга*, Индрик, Москва 2000, с. 36.

³⁵ К. Валишевский, *Иван Грозный*, Сфинкс, Москва 1912, с. 214.

³⁶ Написана в 1580-х годах жителем Пскова иконописцем Василием. Посвящена осаде русского города Пскова войсками Стефана Батория. Неудачная осада побудила короля Речи Посполитой заключить в 1582 году мир с Русским царством.

³⁷ *Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков*, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1952, с. 27–28. Здесь и далее перевод с церковно-славянского языка В.И. Малышева.

³⁸ Там же, с. 35–36.

³⁹ Там же, с. 68.

Отрицательное отношение к личности второго короля Речи Посполитой получило распространение и в народном творчестве, о чем свидетельствует запись в Олонецкой губернии исторической песни, которая датируется концом XVI века и была посвящена осаде Пскова. В ней эпитетами «Степан земли Полоцкой / Собака царя Крымского» и «самолучший татарин»⁴⁰ подчеркивалась вассальная зависимость от турецкого султана Стефана Батория в бытность его трансильванским князем. Таким образом, в сознании русских слушателей и читателей формировалось представление об антихристианской составляющей в деятельности политических противников русского царя.

Влияние польской духовной и материальной культуры на русское общественное сознание в XVI веке

Наряду с демонстративным принятием официальной критики Польши, в образованной части русского общества (крайне немногочисленной в эту эпоху) наблюдалось стремление к заимствованию польских духовных и материальных ценностей. В первую очередь это касалось русских торговых и государственных деятелей, которые имели возможность лично ознакомиться с культурой Польши.

Примерами заимствования образцов польской духовной и материальной культуры служат свидетельства Самуила Маскевича и Станислава Немоевского.

В своем *Дневнике*, написанном в первой половине XVII века, Самуил Маскевич ссылался на беседу с русским князем Федором Головиным, который поведал, что в правление Ивана Грозного польский купец привез в Москву целый воз книг:

Узнав об этом, царь приказал принести ему часть этих книг, которые были, по его мнению, столь мудры, что и сам царь в них ничего не понимал; опасаясь, как бы люди не научились их понимать, он... приказал бросить их в огонь⁴¹.

Судя по тому, что рассказчик демонстрировал С. Маскевичу уцелевшие экземпляры этих книг, нетрудно предположить, что царский приказ не был тщательно исполнен, и напечатанная в Польше литература разошлась по Москве и за ее пределами.

⁴⁰ И.П. Сахаров, *Песни русского народа*, Типография Сахарова, Санкт-Петербург 1838, с. 346–347.

⁴¹ S. Maskiewicz, B.K. Maskiewicz, *Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*, oprac. A. Sajkowski, red. W. Czapliński, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1961, s. 156.

Станислав Немоевский в своих *Записках* рассказывал о доме, построенном в Москве по польскому образцу:

При Великом князе Иване один боярин, будучи послом в Польше, присматривался к нашему строительству, и вернувшись домой, велел поставить себе дом из тесаного дерева; узнав об этом, Великий князь приказал людям весь этот дом, забросавши грязью, разломать⁴².

Явным свидетельством недоверия официальной трактовке Польши и царящих в ней порядков служило бегство в ее пределы из Русского царства первопечатника Ивана Федорова, князей Семена Бельского, Ивана Ляцкого, Андрея Курбского и др. Одной из причин, побуждавших к побегу в Польшу и Литву, служило, по утверждению князя Андрея Курбского, «преобладание закона над прихотью монарха»⁴³.

Эти примеры свидетельствовали о наметившейся тенденции раскола во взглядах на Польшу высшей русской власти и части образованного русского общества. В последующие столетия данный раскол будет лишь углубляться, но при этом подавляющая часть русского общества продолжит демонстрировать безоговорочное согласие с воззрениями высшей власти на «польский вопрос».

Заключение

На основании вышеизложенного можно утверждать, что стилистически нейтральные оценки Польши и ее правителей в древнерусском летописании в XII–XIII веках объясняются, во-первых, осознанием этногенетической общности славянских племен, а во-вторых, отсутствием серьезных взаимных территориальных претензий в период, когда Польское королевство и княжества Древней Руси находились на ранней стадии формирования своей государственности.

Ситуация меняется во второй половине XVI века, когда в процессе расширения своих пределов в восточноевропейском регионе и развития разных политико-правовых систем произошло военное столкновение Польши и Московской Руси. Поражения в Ливонской войне 1558–1583 годов и неудача в борьбе за трон Речи Посполитой Побудили первого русского царя Ивана IV к насаждению в общественном сознании отрицательного образа Польши, ее монархов и государственных деятелей. В своих полемических посланиях русский царь распространил на поляков термин

⁴² *Записки Станислава Немоевского (1606–1608)*, Александрия, Рязань 2007, с. 247.

⁴³ С. Горский, *Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского*, Издание книгопродавца Ивана Дубровина, Казань 1858, с. 239.

басурмане, которым прежде на Руси характеризовались противники христианства.

Непреерекаемый авторитет царских посланий способствовал тому, что отрицательный образ поляков и их правителей получил воплощение в древнерусском народном творчестве, о чем свидетельствуют литературные памятники конца XVI века.

Вместе с тем, уже во второй половине XVI века были зафиксированы факты влияния польской духовной и материальной культуры на просвещенную часть русского общества, вследствие чего между ней и высшей властью намечился мировоззренческий раскол в суждениях о Польше.

Литература

- Валишевский К., *Иван Грозный*, Сфинкс, Москва 1912, 416 с.
- Васильев В.Л., *Ляхи и поляки в языковой истории Новгородской земли*, „Rozprawy Komisji Językowej” 2018, t. LXVI, s. 509–522.
- Галицко-Волынская летопись*, перевод и комментарии О.П. Лихачевой, Наука, Санкт-Петербург 1997, 515 с.
- Гейденштейн Р., *Записки о Московской войне (1578–1582)*, Издание Археографической комиссии, Санкт-Петербург 1889, 312 с.
- Горский С., *Жизнь и историческое значение князя Андрея Михайловича Курбского*, Издание книгопродавца Ивана Дубровина, Казань 1858, 444 с.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова*, под редакцией С.Н. Валка, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1949, 592 с.
- Гумилев Л.Н., *От Руси к России*, Наука, Москва 1992, 256 с.
- Ерусалимский К., *На службе короля и Речи Посполитой*, Нестор-История, Москва–Санкт-Петербург 2018, 1010 с.
- Записки Станислава Немоевского (1606–1608)*, подготовка текста А.И. Цепков, Александрия, Рязань 2007, 493 с.
- Королук В.Д., *Ливонская война. Из истории внешней политики Русского централизованного государства во второй половине XVI в.*, Издательство Академии наук СССР, Москва 1954, 114 с.
- Кручковский Т.Т., *История Польши и польский вопрос в России в оценке А.С. Будиловича*, „Zeszyty Naukowe Ostrołęckiego Towarzystwa Naukowego” 2022, nr XXXVI, s. 10–34.
- Лаврентьевская летопись*, подготовка текста и перевод Г.М. Прохорова, Росток, Санкт-Петербург 2017, 367 с.
- Липатов А.В., *Польша в русском восприятии*, «Вестник Европы» 2015, № 42–43, с. 313–321.
- Мочалов В., *Польская тема в русских памятниках XVI в.*, [в:] *Поляки и русские в глазах друг друга*, Индрик, Москва 2000, с. 33–44.
- Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов*, под редакцией М.Н. Тихомирова, Издательство Академии наук СССР, Москва 1950, 640 с.

- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*, подготовка текста и перевод Я.С. Лурье, Наука, Ленинград 1979, 431 с.
- Повесть временных лет*, подготовка текста, перевод и комментарий Д.С. Лихачева, Наука, Санкт-Петербург 1996, 667 с.
- Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков*, подготовка текста В.И. Малышева, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1952, 135 с.
- Послания Ивана Грозного*, подготовка текста, перевод и комментарии Я.С. Лурье, Издательство Академии наук СССР, Москва–Ленинград 1951, 715 с.
- Поссевино А., *Исторические сочинения о России XVI века*, перевод, вступительная статья и комментарии Л.Н. Годовиковой, Издательство МГУ, Москва 1983, 272 с.
- Рыбаков Б.А., *Язычество древней Руси*, Наука, Москва 1987, 782 с.
- Сахаров И.П., *Песни русского народа*, Типография Сахарова, Санкт-Петербург 1838, 494 с.
- Тарас А.Е., *Войны Московской Руси с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой в XIV–XVII вв.*, АСТ : Харвест, Москва–Минск 2006, 800 с.
- Терещенко А.В., *Быт русского народа*, Институт русской цивилизации, Москва 2014, 857 с.

- Maskiewicz S., Maskiewicz B.K., *Pamiętniki Samuela i Bogusława Kazimierza Maskiewiczów (wiek XVII)*, opracowanie, wstęp i przypisy A. Sajkowski, redakcja i słowo wstępne W. Czapliński, Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wrocław 1961, 332 s.
- Topolski J., *Historia Polski*, Wydawnictwo Poznańskie, Poznań 2015, 384 s.

Резюме

Целью является выявление наиболее существенных характеристик оценки Польши и поляков в древнерусских литературных памятниках XII–XVI веков. В качестве методов научного исследования используются теоретический анализ и обобщение. Выявлено, что в древнерусском летописании оценки Польши и ее правителей носили преимущественно сдержанный, нейтральный характер. Со второй половины XVI века полемические послания первого русского царя Ивана IV навязывали русскому общественному мнению отрицательный образ Польши и ее государственных деятелей. Культивируемый этими посланиями отрицательный образ поляков и их правителей получил распространение в русском литературном творчестве. Наряду с этим, уже в правление Ивана Грозного проявились первые факты влияния польской духовной и материальной культуры на просвещенную часть русского общества.

Ключевые слова: Польша, древнерусское летописание, литературные памятники, Иван Грозный, Стефан Баторий, *ляхи*, *басурмане*

The Image of Poland in Old Russian Literary Monuments of the 12th–16th Centuries

Abstract

The aim of this study is to identify the most significant characteristics of the evaluation of Poland and the Poles in Old Russian literary monuments of the 12th–16th centuries.

The research methods employed include theoretical analysis and generalization. It has been established that in Old Russian chronicles, assessments of Poland and its rulers were predominantly restrained and neutral. From the second half of the 16th century, the polemical letters of the first Russian tsar, Ivan IV, imposed a negative image of Poland and its statesmen on Russian public opinion. The negative image of the Poles and their rulers propagated through these letters became widespread in Russian literary works. At the same time, already during the reign of Ivan the Terrible the first signs of the influence of Polish spiritual and material culture on the educated segment of Russian society became evident.

Keywords: Poland, Old Russian chronicle writing, literary monuments, Ivan the Terrible, Stephen Báthory, *Lyakhi*, *Basurmans*